

RU

Отражение социальных норм, моральных идеалов и гендерных диспозиций общества Премодерна в средневековом рыцарском романе

Бакланов И. С., Кучугура Н. М.

Аннотация. Цель работы – исследование с социально-философских позиций средневекового рыцарского романа. Он являлся особым направлением в литературных течениях Западной Европы XII века, когда всё, что не писалось на латинском языке, объявлялось «вульгарным», то есть простонародным. В рыцарском романе находят отражение религиозные нормы, моральные идеалы и гендерные диспозиции средневекового общества как общества Премодерна. Благодаря рефлексивной направленности литературного жанра того времени рыцарский роман как ярчайший его образец вобрал в свои нарративные и этические принципы концепции предшествующих философских и религиозных течений. В данной работе рассматривается влияние принципов христианской веры и неоплатонизма в построении нарративных тенденций рыцарского романа, а также изучается социальная среда рыцарства и её влияние на последующие тенденции в развитии западного общества. Новизна работы состоит в том, что в результате выполненного исследования рыцарский роман, отражающий жизнь средневекового общества, предстаёт в виде особого социокультурного феномена, репрезентующего в своей сути нормативные, ценностные и мировоззренческие характеристики, а также гендерные и социокультурные практики эпохи.

EN

Reflection of social norms, moral ideals and gender dispositions of Premodern society in the medieval chivalric romance

I. S. Baklanov, N. M. Kuchugura

Abstract. The work aims to study the medieval chivalric romance from a socio-philosophical perspective. The chivalric romance was a rather special trend in the literary movements of Western Europe in the 12th century, when everything that was not written in Latin was declared “vulgar”, that is, common folk. The chivalric novel reflects religious norms, moral ideals and gender dispositions of medieval society as a Premodern society. Due to the reflective focus of the literary genre of that time, the chivalric novel as its most striking example absorbed the concepts of previous philosophical and religious movements into its narrative and ethical principles. This paper examines the influence of the principles of Christian faith and Neoplatonism in the construction of the narrative tendencies of the chivalric novel and studies the social environment of chivalry and its influence on subsequent trends in the development of Western society. The novelty of the work lies in the fact that as a result of the conducted research, the chivalric romance, reflecting the life of medieval society, appears as a special socio-cultural phenomenon, representing in its essence the normative, value and ideological characteristics, as well as gender and socio-cultural practices of the era.

Введение

Европейское Средневековье как самобытная веха в истории оставило нам совершенно уникальную культуру, этику и эстетику рыцарства. Рыцарские романы писались только на старофранцузском, немецком и «народном» итальянском языке. Наличие рыцарства как особой социальной группы являлось маркером социальной стратификации европейского средневекового общества. Стоит сказать, что литературная традиция того времени в противовес нынешней скорее на «пророчицание» в культурологическом смысле некоторых тенденций этической и эстетической жизни общества, представляла собой традицию во многом рефлексивную. Поэтому в культуре рыцарства, наряду на тот момент с совсем недавно (относительно иных религиозных верований и течений, бытовавших в Западной Европе) принятым христианством,

которое и само в ту пору испытывало влияние многочисленных философских концепций (самой видной из которых был именно неоплатонизм (Бакланов, 2004)), существовали всевозможные сочетания уже упомянутых философских традиций и, соответственно, самого латинского христианства. При этом рыцарский роман есть особое сочетание моральных норм и ценностных идеалов. Рыцарский роман – это особый жанр, неотъемлемой частью которого является культ Прекрасной Дамы. Поэтому исследование рыцарского романа в социально-философском аспекте представляет интерес с точки зрения экспликации социальных, социокультурных и гендерных практик, присущих социальности (Лукьянов, Бакланов, Бакланова и др., 2024), в частности, социальности европейского Средневековья.

Задачи исследования: с социально-философских позиций рассмотреть на материале рыцарского романа нормативные, ценностные и мировоззренческие характеристики, а также проанализировать гендерные и социальные практики средневекового общества.

Теоретическую базу работы составляют фундаментальные труды классиков, в которых анализируется историческая динамика (Белл, 1996; Сорокин, 1992) и особенности социокультурных практик и нарративов средневекового общества (Карсавин, 2012; Хейзинга, 1995); исследования средневековых тестов (Величко, 2022; Жирар, 2021; Шаров, 2019) и философских течений Средневековья (Мелетинский, 1983).

Методология исследования строится на классической герменевтической интерпретации текстов рыцарских романов, дополненной социокультурным подходом, историко-философским анализом и социально-философскими реконструкциями практик средневекового общества.

Практическая значимость исследования состоит в возможном распространении предложенной методики и методологического подхода рассмотрения литературных памятников различных эпох для анализа нормативных систем, ценностных ориентиров, гендерных диспозиций и социокультурных практик обществ и цивилизаций.

Обсуждение и результаты

Отечественный исследователь Е. М. Мелетинский (1983) выделяет несколько базовых источников, из которых впоследствии начал формироваться рыцарский роман как литературный жанр. Среди них можно рассмотреть и неоплатонические тенденции, к примеру, влияние на философскую и культурологическую мысль платонического мистицизма, попавшего в Европу через дипломатические связи с Востоком, приведшее впоследствии к образованию Шартрской философской школы и её постулатам о самореализации человека как пути духовного паломничества. Иерархия чувств, наивиднейшим образом отражённая в мистике Бернара Клервоского, проникла в рыцарский роман под видом культа «Прекрасной Дамы» (Грунэ, 2018). Только вместо растворяющей человека любви к Богу главную роль в рыцарском нарративе играет уже служение рыцаря своей госпоже и самые возвышенные чувства по отношению к ней, но в итоге выходит, что последние оказываются менее существенными в рамках реализации рыцарского идеала. Как явствует из примера рассказа о Тристане и Изольде, когда влюблённые, воплотив идеалы такой любви на практике, испытывают горчайшее сожаление о потерянном социальном статусе: Изольды – как королевы, Тристана – как рыцаря и её верного подданного. Во многом неоплатонические мотивы можно усмотреть и в самом генезисе любви Тристана и Изольды, когда они по роковому стечению обстоятельств выпивают привораживающее зелье и влюбляются друг в друга не по собственной воле, но по воле случая, являясь таким образом скорее жертвами «низменных» страстей и чувств, чем их причиной. Конечно, сам сюжет о роковой любви является хрестоматийным, но в сюжете о Тристане и Изольде он приобретает новую коннотацию. Тут прослеживается классический треугольник со сложными и противоречивыми отношениями персонажей. Тристан разрывается между моральным долгом по отношению к его сюзеру, благодетелю и приемному отцу Марку, и любовью к Изольде. Король Марк великодушен и даже готов уступить права на Изольду, но его останавливает честь мужа и феодальный кодекс: негоже сюзеру потакать своему вассалу. Здесь личное счастье вступает в противоречие с общественными нормами и моралью. Таким образом, в сюжете о любви Тристана и Изольды поднимается проблема противоречия индивидуально-личностных устремлений и моральных норм эпохи: автор фактически выступает против феодальных порядков. Примечательно, что сама Изольда является, скорее, не субъектом данных отношений, а их объектом, что вполне ожидаемо в рамках гендерных диспозиций Средневековья.

Тем не менее христианские мотивы тоже обретают важное место в идеале рыцарской самореализации. Важнейшим феноменом, повлиявшим на формирование рыцарского кодекса, стал христианский аскетизм, нравственный идеал рыцарства обнаруживает себя через аскетизм (Величко, 2022). Носителями аскетического идеала эпохи Средневековья были монахи, которые, в свою очередь, фактически восприняли добродетель, оформленную ещё в древней Греции: мудрость, справедливость, воздержание и многое другое, что приобрело духовный смысл в умах уже христианских монахов, что и передалось основателям духовно-рыцарских орденов. Безусловно, формирование и самого аскетического идеала не обошлось без влияния дуалистической концепции существования духовного мира, то есть представления о том, что в мире действуют две равные противоборствующие силы – Добро и Зло. Так, в книге «Монашество в Средние века» видный отечественный мыслитель Л. С. Карсавин, доходя до заметки о принципах существования монашеских общин в догматическом дискурсе, пишет: «Если существует тот или иной вид, та или иная степень дуализма, хотя бы в противопоставлении добра и зла, духа и тела, попытка доставить торжество тому, что признаётся ценным, необходимо приводит к аскезе... Чем интенсивнее дуалистическое мироощущение, чем сильнее ощущается сила зла, тем ярче

проявления аскезы. Наоборот, “прирождённая святость”, благодать увлечения добром, при которой преодоление зла является не главной целью, а следствием, вторичным эффектом, делают излишними крайние формы аскезы, лёгкую борьбу со злом, но не уstraняют аскезы, потому что для этого надо было бы стереть само различие между добром и злом» (2012, с. 5–6).

Как уже было замечено, неоплатонизм проникает в философию и литературу Средних веков через арабское влияние. В арабском мистицизме преобладала концепция платонического чувства, немаловажную роль в формировании которой сыграли неизвестные «сирийские мистики» как наследники именно древнехристианской платонической традиции.

Нарождающийся нравственный идеал производит смешение моральных, религиозных и светских этических ценностей, что впоследствии приводит к формированию рыцарского эпоса, отражающего единство нравов, норм и образцов поведения рыцаря. Однако уже в первые годы существования рыцарства происходит перемещение вышеназванных принципов рыцарской жизни в «область фантазии, чтобы сохранить там черты благородной аскезы, которые редко бывали заметны в реальной жизни» (Хёйзинга, 1995, с. 61). Вследствие этого рыцарство подвергалось многочисленной критике со стороны практических всех слоёв общества за нападения на путешественников, избиение жён и ограбление церквей, как замечает Й. Хёйзинга: «Даже непосредственная укорененность рыцарства в воинском мужестве не смогла бы его возвысить до такой степени, если бы женская любовь не была тем пылающим жаром, который вносил живое тепло в это сложное единство чувств и идеи. Глубокие черты аскетичности, мужественного самопожертвования, свойственные рыцарскому идеалу, теснейшим образом связаны с эротической основой этого подхода к жизни и, быть может, являются всего-навсего нравственным замещением неудовлетворенного желания» (1995, с. 81).

Во многом именно данная конфронтация на уровне ценностей привела рыцарский культ Прекрасной Дамы, отражённый в произведениях романистов и трубадуров того времени, к постепенному угасанию и превращению его в скорее обиходный, бытовой элемент рыцарского уклада жизни, что и отражали в своих нарративах рыцарские произведения того времени. Куртуазная любовь в литературном жанре, рассматриваемом в данной статье, во многих аспектах является наследницей творчества римского поэта первого века нашей эры – Овидия, чьи «дидактические» поэмы «Наука любви» и «Лекарство от любви» созвучны «кодексу поведения» рыцаря в отношении Прекрасной Дамы. Уже в этом произведении мы находим поведенческие черты рыцаря: любовная дрожь, отсутствие сна, мертвенная бледность и фаталистический настрой по отношению к объекту своего обожания.

Следует напомнить, что культ «Прекрасной Дамы», возник, безусловно, не просто так, ведь он влиял на превращение рыцарского идеала в нечто возвышенное и благородное. В рыцарском эпосе его можно назвать некоторым слиянием христианского (в основном западного) особенного отношения к образу Богородицы и представлениями неоплатоников об иерархии бытия и, соответственно, чувств. Эдвард Векслер (Wechsler, 1909) высказывал мнение, что чувства рыцаря к своей Прекрасной Даме удивительным образом перенимают религиозные чувства верующего человека к Деве Марии, что находило впоследствии отражение в поэзии трубадуров, для которых воспеваемая дама внушала им «преклонённость», чувство «заступничества» и «почитания». То есть все те чувства, которые до этого с избытком присутствовали в молитвах и культе Девы Марии, отныне наполняются неким эротическим содержанием, становясь при этом лейтмотивом рыцарского нарратива. Появление рыцарской поэзии в некотором роде представляет собой «переход» литературной традиции к арелигиозным принципам в построении нарратива и становится негласным способом противоборства церковной идее. Примечателен при этом случай, описанный в поэме «Ланселот» основателя куртуазного романа Кретьена де Труа (XII век). Когда главный герой испытывает восхищение при виде нескольких белых волосков, упавших с головы королевы Джинервы, при этом оставаясь абсолютно равнодушным к мощам святого Мартина и Иакова Компостельского, а после свидания с любимой он становится перед её постелью на колени «как перед алтарём державным» (Кретьен де Труа. Ланселот, или Рыцарь телеги / пер. со старофранц. Н. В. Забуровой, А. Н. Триандафилиди. М.: Common place, 2013, с. 171). Впрочем, в романе прослеживаются и ироничные нотки автора Кретьена де Труа по отношению к своему герою.

Важно отметить, что основа рыцарского нарратива во многом оставалась христианской. В этом нас убеждает наличие великого множества произведений с явным гомилетическим (наставническим, проповедническим) оттенком. Среди них самым ярким является «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь» (XIV век). Этот пример ещё более интересен, если «поймать» его «вневременную» направленность, контекстуальность. Христианские коды в «Сэре Гавейне» распознать с беглого, поверхностного прочтения невозможно, лишь анализ семиотики этого произведения, его структуры может позволить исследователям выявить эти самые религиозные составляющие. Вместе с этим в произведении также представлены и воззрения тогдашнего общества на «гендерный вопрос», читатель сразу замечает, что весь христианский контекст в этом произведении держится на мужчинах, в то время как женский пол представлен в лице колдуний, ведьм и интриганок. Финал поэмы более чем христианский – сэр Гавейн раскаивается. В этом можно усмотреть воззрения самого автора, контрастирующие с религиозной обстановкой того времени. Язычество в «Сэре Гавейне» не уничтожается, совсем даже наоборот, автор говорит скорее о том, что крещение «огнём и мечом» – ложный путь, а истинный путь принял сам сэр Гавейн, – настоящее христианское покаяние способно привести человека от тьмы язычества – к свету Христову (Шаров, 2019).

Рыцарство в его литературном амплуа – это целый мир (в литературном и семантическом смысле), в котором причудливым образом находятся смыслы, доносящиеся со стороны неоплатонизма, который отчасти проник в теологические учения представителей Католической церкви (во многом благодаря видному учителю – блаженному Августину), и мотивы с христианской стороны. Во многом эти топики пересекались между

собой – как, например, в случае с христианским монашеским аскетизмом и уставом рыцарской жизни, но в целом нарративы христианства и неоплатонизма – это определённого рода противоположности, из них складывался единый нарратив рыцарского романного жанра. В этом нарративе можно обнаружить черты церковной проповеди, попытки Католической церкви «освятить» новое литературное направление, а также отголоски неоплатонической картины мира, основой которой являлся гностический дуализм – борьба «низменного» и «возвышенного» (Бакланов, 2004).

Как военно-землевладельческое аристократическое сословие рыцарство возникло и развивалось в Средневековом западноевропейском обществе, которое в широком смысле можно понимать как традиционное общество (Премодерн). Одной из главных черт данного периода в истории человечества является ориентация на иррационализм. По мнению П. А. Сорокина (1992), культура рыцарства и богословия в эту эпоху завязана на понимании Бога как сверхчувственного и сверхразумного Бытия. И под влиянием такого иррационального мировосприятия, рыцарство, которое фактически находилось между светскостью и религиозностью, закрепило в своих уставах отрицательное, индифферентное отношение к мирской чувственности, ценностям и радостям. Духовность в эпоху Средневековья полностью завязана на религиозности. В социальном плане это значит, что религиозные нормы – доминирующие в общественной жизни. Религиозность как способ мироощущения предполагает когнитивную трансформацию мира и его структурирование в человеческом разуме, и как следствие – создание ценностной картины, норм и идеалов, которые впоследствии служат для регуляции общественного поведения (Бурлова, Бакланова, 2022) в рамках определённого типа социальности (Бакланова, Бакланов, Лукьянов и др., 2024). Между тем, религия не только производит ценности и моральные ориентиры, но и привносит в сформированную ей картину мира определённый смысл. Благодаря этому данная черта религиозности приобретает смыслополагающий характер. Д. Белл считает, что «религия есть символическая система для восприятия целостного мира и обеспечения контакта с миром как единым целым, в котором жизнь и действия имеют определенные значения» (1996, с. 157). Индивид обнаруживает себя в весьма незавидном положении растерянности и беспомощности в состоянии «пустоты», вызванной отсутствием смысла в том, чем он живёт.

Религиозное мировоззрение напрямую связано с такой функцией, как легитимизация. Социум может существовать только в рамках, определённых той или иной концепцией, регламентирующей нормы и ценности для участников определённой группы людей. Нормы производятся через мораль, право и эстетику, для религии же в этой сложной сообщающейся системе отведена роль легитимизатора. Религия в эпоху Премодерна выполняет функцию дефиницирующую, она определяет, какую природу имеют те или иные нормы и ценности: социальную, гуманитарную (выработанную отдельным человеком) или трансцендентную, надмирную. В дальнейшем подобные тенденции найдут своё место через протестантскую мораль и в идеях модернизма. Гуманизм, начавший развиваться ещё в Новое время, пройдёт сложный путь от религиозного антропологизма до индивидуализма секуляризации. Новый взгляд на отношения «человек-Бог» и «человек-человек», предложенный западному миру христианством, изначально был во многом прорывным для того времени, а в последующие времена только всё более и более приобретал сначала гуманистические, затем индивидуалистические черты. Рыцарский роман же в этом смысле послужил некоторым идентификатором социальной среды, в которой он создавался как жанр. В данных произведениях главный герой предстаёт в неожиданном для того времени амплуа. Рыцарь – человек волевой, всегда руководствующийся верой в Бога и личным разумом, отвергая страх, он способен противопоставить всему миру свою личность. Всё это впоследствии отразится в романтизме, взявшем за основу именно этот «светский стоицизм» и бесконечную зачарованность самим собой.

Романтизм вместе с этим подхватит во многом начавшуюся именно с рыцарского романа тенденцию к мимезису. В дихотомии «Я – другие» представители романтизма будут видеть совершенно иное состояние, а именно «обыденность – оригинальность», что даст впоследствии неожиданную поросль в виде всевозможных философий уже в XX веке, в основе которых – варьирующийся от силы в силу «бунт» против той самой «обыденности», которую критиковали романтики с подачи авторов рыцарского жанра. В исследовании рыцарского романа нельзя не упомянуть «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» Мигеля де Сервантеса. Написанное спустя долгое время после заката института рыцарства, это произведение будто ставит двоеточие в истории мимезиса – отныне подражать станут не недостижимым идеалам прошлого, как то делал Дон Кихот, а своему же собственному ближнему, что впоследствии приведёт к катастрофе священного и к рождению, вместе с работами Фридриха Ницше, нигилизма. Священное в нашем мире отныне характеризуется не «отсутствием... а тем, что оно стало извращённо-насильственным и медленно отравляет с тех пор источники жизни» (Жирар, 2021, с. 237). Ведь Дон Кихот, умирая, отрекается одновременно и от своего собственного подражания далёкому медиатору (конечно, не сравнимым с Медиатором всех христиан – самим Христом), и от чаяний человечества в этой парадигме, подводя черту собственно миру религиозному, и начиная эпоху секуляризации, в которой мимезис связан с убийственным подражанием близкому медиатору.

Иной фактор, повлиявший на социальную ситуацию в эпоху средневекового общества как общества Премодерна, – вопрос о полах (Балдицына, Бакланов, Бакланова, 2019). Формирование куртуазной традиции, отражённой во многих произведениях рыцарского жанра, основывалось на особом отношении религиозного общества Средних веков к Деве Марии. В основе культа прекрасной Дамы легко угадываются несколько «осекуляризованные» черты почитания Богородицы. Поэтому очень важно, что Прекрасная Дама для рыцаря только одна: выбор каждого рыцаря индивидуален. При этом традиционное общество – это общество сословное и Прекрасная Дама всегда представительница аристократии как высшего сословия. (Восхищение горожанками появится позднее, в эпоху Возрождения.) Следствием этого стало благосклонное отношение

к женщине, которое заняло прочное место в разнообразных цельных рыцарских кодексах. Между тем, несмотря на придание женщине ореола желаемого куртуазного объекта и то, что именно на женщину, в отличие от представлений, бытовавших в Древней Греции, отныне направлено платоническое чувство, данный подход оказался достаточно лицемерны. За маской куртуазной любви стояли исключительно прагматические и эгоистические соображения, существующие для того, чтобы придать образу рыцаря более возвышенный и благородный вид, что, как следствие, некоторым образом дискредитировало традицию куртуазной любви.

Неоплатонические мотивы, поданные в рыцарском жанре как квинтэссенция нежных и возвышенных чувств, имели под собой достаточно распространённые в то время положения дуализма, дихотомию «любви возвышенной» и «любви низменной». Если отныне платонические чувства не являются основным вопросом разделения полов, как уже было замечено по поводу Древней Греции, то теперь эти противопоставления оказались сосредоточены в отношении только к женскому полу. Как представляется, впоследствии это приведёт к формированию в протестантских общинах так называемого «пуританизма», постулирующего исключительную греховность женщины от природы, вместе с её благой ролью в обществе и семье, а именно – деторождением. Подобный, достаточно радикальный, взгляд приведёт уже в XX веке, веке «излета Модерна», к бунту женского движения против снисходительного отношения к ним, обозначенного ещё в Средние века.

Заключение

Таким образом, в средневековом рыцарском романе можно проследить отражение религиозных норм, моральных идеалов и гендерных диспозиций в средневековом обществе как обществе Премодерна. Ценность рыцарского романа заключается именно в том, что в его рамках репрезентуются социальные, социокультурные и гендерные практики, в которых как в калейдоскопе причудливым образом сочетаются сакральное и повседневное-профанное, христианские мотивы и неоплатонические конструкты, индивидуальные устремления, социальные моральные и религиозные нормы эпохи, представления о личном счастье людей и общественном долге субъектов общества.

Перспективы дальнейшей работы связаны с возможностью исследования других литературных памятников и источников как европейского Средневековья, так и других обществ Премодерна с целью социально-философской экспликации соотношения религиозных предписаний, моральных норм и источников обычного и кодифицированного права в рамках гендерных и социокультурных практик.

Источники | References

1. Бакланов И. С. Роль раннего христианства и нехристианских традиций в развитии европейского интеллектуализма // Научная мысль Кавказа. 2004. № S5.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Лукьянов Г. И., Похилько А. Д. Основные рефлексии социальности в современной социальной философии // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190).
3. Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // Женщина в российском обществе. 2019. № 2.
4. Белл Д. От священного к светскому // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. 2022. № 4 (45).
6. Величко И. В. Роль христианского аскетического идеала в формировании рыцарского этоса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4.
7. Грунэ А. Противоречия культа Прекрасной Дамы в рыцарской культуре // Начало. Культурология. Литература. 2018. https://slovo-bogoslova.ru/culturology/protivorechiya-kulta-prekrasnoy-damy/#_ftnref1
8. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа / пер. с франц. А. Зыгмонта. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
9. Карсавин Л. С. Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012.
10. Лукьянов Г. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности проблематизации и генезиса представлений о феномене социальности в социально-философском знании // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191).
11. Мелетинский Е. Средневековый роман. Происхождение и классические формы / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983.
12. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ., общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
13. Хейзинга Й. Осень Средневековья: сочинения: в 3 т. / пер. с нидерланд., вступ. ст. и общ. ред. И. В. Уколовой. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. Т. 1.
14. Шаров К. С. Христианская проповедь как сюжетобразующий мотив средневековой рыцарской поэмы «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51).
15. Wechsler E. Das Kulturproblem des Minnesangs: Studien zur Vorgeschichte der Renaissance: in 2 Bdn. Halle a. S.: Niemeyer, 1909. Bd. I. Minnesang und Christentum.

Информация об авторах | Author information**RU****Бакланов Игорь Спартакович¹**, д. филос. н., проф.**Кучугура Никита Михайлович²**^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь**EN****Igor Spartakovich Baklanov¹**, Dr**Nikita Mikhailovich Kuchugura²**^{1,2} North Caucasus Federal University, Stavropol¹ baklanov72@mail.ru, ² nik.cothurnal@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2024; опубликовано online (published online): 05.11.2024.

Ключевые слова (keywords): Средневековье; Премодерн; рыцарский роман; нормы; мораль; религия; христианство; культ Прекрасной Дамы; Middle Ages; Premodern; chivalric romance; norms; morality; religion; Christianity; cult of the fair lady.